

Егор Летов и политическое, или Об идеологических миксерах

Творчество Игоря Федоровича Летова, лидера панк-группы Гражданская Оборона, достаточно просто вписывать в различные идеологические контексты. Летов как культурный феномен спокойно запускается в различные миски миксеров, запатентованных различными идеологическими течениями: начиная от анархистов и заканчивая либералами и националистами.

Давая описание политического у Егора Летова, описание, которое бережет эти сложные и непростые взаимоотношения, самому дескриптору важно не превратиться в миксер. Как избежать этого превращения? Надо отсекаать ненужные вопросы.

Лишним вопросом, как мне представляется, является попытка определить, вписать, причем навсегда вписать Летова в какое-то идеологическое поле, навесить ярлык. Поэтому если кто-то надеется вычитать в данной статье какой-то вердикт, то, увы, огорчу: вердикта не будет.

В тесте о том, кто такой Летов нет правильного ответа. А - анархист, В - коммунист, N - национал-большевик. Правильного ответа нет. Летов вне теста.

Что же я предлагаю? Ответ: осмыслять Летова следует со стороны, "через пни-канавы кувыркoм", с определения понятия политического; политического в различных изводах качественных прилагательных: левый, правый и тому подобное.

Может быть это не совсем ясно звучит и кому-то покажется, что в данном заходе нет никакого ухода от венчиков миксера. Однако уход есть, потому что речь не о присвоении Летова какой-либо идеологией, - разговор идет о веере возможностей, которые лежат в онтологических определениях политического: в правом, левом и крайне правом изводе.

Для начала попробуем разобраться с политическим. Что это?

При ответе на этот вопрос нас с вами, как и французского социолога Раймона Арона в книге "Демократия и тоталитаризм", будут интересовать два словечка "полиси" и "политикс".

Полиси - это политическое управление. Такова политологическая конвенция. Политикс - это не что иное как политическое. И тут у академического сообщества, изучающего политику, начинаются битвы, как сказал бы Бурдьё, за власть номинации.

Как определить политическое? Классической, но своеобразной, работой о политическом является работа немецкого правоведа, праворадикального мыслителя Карла Шмитта "Понятие политического", вышедшая в 1927 году.

Политическое Шмитта - это право на убийство врага.

С политически определенным врагом не запрещено производить совместные дела, но в какой-то момент - вдруг откуда не возьмись! - будет принято решение (так называемый принцип децизиционизма), и "друзья" в один прекрасный день могут начать игру на полное уничтожение "врагов". Еще вчера вы пили чай со своими врагами и просили денег займы, а сегодня вы поливаете их кипятком.

Про политику в народе говорят, что это грязное дело. Про политическое Шмитта можно сказать, что это наигрязнейшее дело, пахнущее трупами и кровью. Политическое Шмитта, если быть более (полит)корректными, мы можем отождествить с конфликтом. Однако данная точка зрения не может претендовать на истину. В той же Германии был такой промышленник, министр иностранных дел, Вальтер Ратенау. Он говорил, что партнерство - вот что такое политическое, а никакая не вражда. По иронии судьбы Карл Шмитт пережил денацификацию, прожил почти сто лет, а Ратенау был убит террористической националистической организацией "Консул" задолго до прихода Гитлер к власти.

Подход Шмитта к политическому абсолютно претит либералам, сторонникам выборов и конкуренции. Давайте на секунду задумаемся, что такое институт выборов в либеральных демократиях? Это пространство символической борьбы. Как и спорт, политика - субститут реальной войны. В символической войне в первую очередь гибнут имиджи, а не люди. Напомню, что Шмитт, как и другой радикал Жорж Сорель, терпеть не мог парламентаризм. Почему? Потому что никто не отвечает за слова. Все заняты игрой в слова, греко-римской борьбой слов.

Иной подход к политическому у французского философа левого толка Жака Рансьера. Политическое у него состоит из двух частей - полиции (или полисии, пресловутого полиси) и политики. По Рансьеру, полиция и политика друг с дружкой конфликтуют. Если очень упростить, то речь идет о противостоянии системы и внесистемности. Как говорит Рансьер, "политика - не искусство управлять сообществами, это форма человеческого действия, основанного на разногласии, исключении из правил, согласно которым осуществляется сплочение человеческих групп и руководство ими". Или более конкретно: "Политика не есть осуществление власти".

Так что же такое политическое? Тут у нас два варианта: либо мыслить жестко, как Шмитт (политическое есть различие друга и врага, где враг всегда потенциально может быть уничтожен), другой вариант - либеральный, политика как битва символов, значений, война словесами и так далее. И еще такой специфический вариант, который дает Рансьер - противостояние системы и внесистемности.

Удивительно, но каждый из подходов может быть применен к феномену Летова. Хочу обратить внимание читателя на то, что я пока говорю только о творчестве, а не об активизме Летова.

Если мыслить как Шмитт, то вполне можно избыточность военной тематики Летова вписать в политическое: "переключить на черно-белый режим и убивать, убивать, убивать".

Не будем при этом забывать, что у Летова существуют "Наши", которые:

Пели-напевали
Пели-напевали
Про свою удачу
Про твою беду.

Возможна и такая интерпретация творчества Летова: есть враги, те, кто не утерпел, а друзья - наши, или как на официальном сайте "Гражданской обороны" в сетевом интервью капслоком в одном из ответов Летов пишет: СВОИ. Так фундаментально: свои.

Что касается противостояния системы и внесистемности, даже антисистемности, то тут все очевидно. Почти все творчество Летова - это борьба с системой, причем в таком метафизическом смысле, что наверняка бы пришлось по душе такому левому теоретику, как Ален Бадью.

Говоря языком того же Бадью, Летов все время Единцу делит надвое, где Единица - это Система с большой буквы, а Двоица - это какая-то нестабильность, вечное движение.

Что касается либеральной трактовки, то вот тут-то мы и должны рассматривать Летова не только как художника, но и как активиста. Еще в советское время у Летова было интервью, где он критиковал какого-то анархиста, который говорил, что я что-нибудь сейчас взорву и назову это панком. На что Летов заметил, если ты это сделаешь, я тебя просто в ГБ сдам. Почему так? Одно из объяснений: Летов активист символического действия.

Не физическое насилие, не реальная война, а война метафизическая, вроде бы образная, но, возможно, более страшная, где царит ужас и моральный террор - символическая война.

То же самое можно наблюдать в постсоветский период, когда Летов был связан с НБП, РНЕ, анпиловцами. Весь его активизм был связан с пропагандой, если это так можно назвать. То есть это символическая политика.

В политическом плане - это поле символического интересно вот в каком смысле. [Анатолий Корчинский озвучил идею](#), что мировоззрение "победа как поражение", хорошо представленное в творчестве Летова, не может стать идеологией. Я с этим не могу согласиться.

При опровержении тезиса о том, что "победа как поражение" не может стать идеологией, я буду микшировать феномен Летова и феномен НБП.

НБП - это Национал-большевистская партия, созданная Лимоновым, Дугиным и Тарасом Рабко. У Летова был партийный билет номер четыре. Понятно для чего его позвали в НБП, не только по идейным соображениям, но и чисто прагматическим: популярный человек с кучей молодых боевых фанатов.

Так вот, посмотрим на НБП (ныне партия запрещена, но в сути своей сейчас это Другая Россия). НБП - партия радикального самопожертвования.

Вспомним их лозунг "Да, смерть!" или культ Юкио Мисимы, который покончил с собой, и многих других радикальных и эпатажных художников, политиков, творцов. Мало того, я бы даже сказал, что НБП - это партия неудачников, и тут же сделаю поправку: неудачников в лимоновском смысле. Каков ранний лимоновский герой? Это неудачник, который все время падает, но встает, быть может, ползет и как-то пытается победить. Работает логика: даже если проиграл, то все равно победил. У Летова точно также. Только на последнем альбоме тема поражения как победы сменяется тотальной победой всего и всех:

Хватит веселиться, хватит горевать
Можно расходиться, можно забывать
Кто бы что ни сделал, кем бы кто не стал
Никто не проиграл.

Так или иначе, Летов, воюющий с реальностью побеждает в поражении, в трипе и в творчестве. Как он гордится своими альбомами! Обратим внимание на статью в "Лимонке", которая называется ["Егор Летов: именно так все и было. Творческо-политическая автобиография"](#). Это именно творческая автобиография, про политику там совсем мало.

Сравним Летова с Лимоновым. Лимонов терпит политические поражения, но у него тоже есть своего рода трип - это сексуальные победы и литературные победы: я пережил Бродского и Солженицына, я теперь единственный российский писатель и поэт. Я затащил в постель одну, другую, третью.

К теме самопожертвования вот что еще хочется добавить: революционная партия - это всегда партия самопожертвования. От большевиков до НСДАП, революция есть жертва. Однако в 90-е такая революционность население никак не могла вдохновить. Простому обывателю хотелось комфорта, стабильности, легких денег и так далее. В "Лимонке" за 93 год можно встретить такой ответ Летова на вопрос о политической ситуации: "Ситуация плачевная. Удручающее впечатление оставляют действия оппозиции, как центристского так и радикального толка. Население, похоже, впало в глубочайшую социально-политическую депрессию в самой патологической форме. Наш народ постигло какое-то стариковское бессилие, безропотное смирение, уныние, опустошение. И, видимо, это надолго. И речь идет не о месяцах и годах, но о тягостных десятилетиях".

Поэтому борьба Летова и НБП в другом пространстве. В символическом, которое иногда трансформировалось в жуткую реальность в виде сломанных носов, рук, ног и посадок в тюрьму, если говорить конкретно о НБП, хотя и Летова тоже доставалось: вспомним запрет концерта в Латвии.

Летов в своих интервью часто ссылаясь на шаманизм. В шаманской культуре порой используются маски. Можем ли мы говорить о том, что игры Летова, если это были игры, игры с политикой - это маски, за которыми

скрывается совершенно что-то иное, метафизическое, и человеческое, такое простое и слишком человеческое, а может быть и сверхчеловеческое? Кто знает.

Так или иначе, попытки миксеров перемолоть и взбить маски до пенки, возможно, успешны с точки зрения прагматики, пиара, привлечения сторонников к своим политическим организациям, но, наверное, они слишком поверхностны, чтобы выйти за пределы собственных догм.

Так или иначе, я не хочу поводить итог. Данная статья - это резкие мазки, за которыми остаются конкретные летовские переходы по анархизму, антисоветчине, коммунизму, экологизму и психоделизму. (Спасибо Наталье Чумаковой за напоминание о том, что последним выбором Летова была психоделическая партия, которую не следует путать с нынешними проектами пси-партий в соцсетях).

В заключение хочется сказать, правда, не словами Летова, а Константина Рябинова, участника Гражданской Обороны: "Вашему вниманию предлагается все выше изложенное, господа".

Доклад был прочитан на семинаре «Летов и политическое» 10 декабря 2014 года.